

Цзян Ичжу не позвал Лу Чао на обед, разумеется, по другой, более важной причине.

Еще в пятницу он отправил сообщение домработнице, специально попросив ее позвонить ему, когда Цзян Шибо не будет дома.

Сделав одну пересадку в метро, Ичжу прошел еще почти километр пешком, прежде чем добрался до поместья клана Цзян.

Семья Цзян — типичный древний аристократический род. То, что они имеют в Биньчжоу, можно назвать лишь домом, но настоящее родовое гнездо включало в себя еще и фамильный храм. Если бы не упрямство нескольких старейшин, поместье давным-давно превратили бы в туристическую достопримечательность, собирающую плату за вход.

Помимо первых поколений, чьи заслуги были поистине велики, к тридцать седьмому поколению — к которому относился Цзян Шибо — мало кто из членов семьи мог похвастаться известным в миру именем.

Войдя в дом, Ичжу не стал терять время на осмотр и сразу взлетел на третий этаж, в комнату прежнего владельца тела, намереваясь собрать свои карточки и одежду.

Старик Цзян был невероятно формален: он даже наклеил на дверь комнаты опечатающую ленту.

— Логово блудного сына Цзян Ичжу.

Ичжу лишь хмыкнул.

Сорвав ленту, он попросил у тетушки Фан ключи. Один поворот — и замок легко поддался, отчего скомканная лента в его руке выглядела крайне жалко.

В этот раз он приехал исключительно потому, что из-за съемок видео у него не было лишних денег на новую одежду, а гардероб в университетском общежитии был слишком уж кричащим: сплошные тропические принты в стиле ретро или вещи с огромными логотипами люксовых брендов. Он просто не мог это носить.

Закончив со сборами, Ичжу перевез чемоданы на грузовом лифте в подземный гараж.

— Тетушка Фан, отец ведь еще не вернулся? — спросил он, высунувшись из лифта после третьей ходки.

Тетушка Фан вышла из кухни, протягивая ему большой пакет.

— Нет, нет, что ты. Ичжу, ты всегда любил эти консервы, когда жил дома. Как только ты позвонил, я сразу же собрала их для тебя.

Вероятно, тетушка Фан была единственным человеком в этом мире, кто до сих пор по-прежнему вспоминал прежнего Ичжу.

Приняв пакет, Ичжу услышал мелодичный звон стеклянных банок и, когда двери лифта начали закрываться, тихо поблагодарил женщину, махавшую ему на прощание.

Ичжу собирался угнать «Феррари» в исполнении Tailormade, чей цвет был заказан как «ирисово-синий».

Уже в гараже, собираясь завести машину, он услышал шум. Почти сразу стало ясно: в гараж выезжает автомобиль Цзян Шибо.

Ичжу тут же убрал руки с руля и в крайне нелепой позе присел на сиденье, затаив дыхание. Лишь когда Цзян Шибо вошел в лифт, он наконец завел мотор.

Однако стоило ему выехать из гаража, как он услышал с верхних этажей яростный рев разъяренного мужчины средних лет.

— Цзян Ичжу! А ну стоять, паршивец этакий! — вопил Цзян Шибо, высунувшись из окна.

Кто бы мог подумать, что в глазах старика он до сих пор остается лишь «незаконнорожденным выродком».

Ичжу больше не боялся. Он нарочно опустил стекло, высунул голову наружу и, ничуть не смущаясь, включил камеру на телефоне, чтобы записать буйство отца, при этом подначивая его:

— Громче, громче! Звук плохой!

— Не уходи! Я с тобой еще разберусь!

Цзян Шибо был так взбешен, что скинул домашние тапочки и швырнул их вниз. Несмотря на возраст, меткость у него была отменная — оба тапка едва не залетели прямо в окно машины. Видимо, в молодости забросить трехочковый для него было так же просто, как поесть.

Ичжу вышел из машины, с подчеркнутой сыновней почтительностью оттащил отцовские тапки подальше от колес, а затем отвесил разъяренному родителю театральный поклон. Сохраняя нагловатый тон, он прокричал:

— Не злитесь, пап! Меньше курите свои гадкие сигареты, лучше пропейте курс китайских трав. Сын за вас переживает!

— Быстро схватить его и притащить обратно!

Утонченный и вежливый господин Цзян, стоя в окне, прыгал от злости, а Ичжу, невозмутимый как скала, закончил запись и послал ему воздушный поцелуй.

Затем, на глазах у отца, он выехал на машине за ворота поместья.

—

С машиной Ичжу стал подобен дикому коню, сорвавшемуся с привязи. Отвезя вещи в общежитие, он с пакетом консервов направился прямо к корпусу Лу Чао.

Семья Лу была полной противоположностью клану Цзян. Если Цзян был единственным побегом, то у Лу род разрастался бесконечно. В кругах аристократии Биньчжоу ходили слухи, что на Новый год Лу нанимали профессоров для частных уроков, а законные и внебрачные дети грызлись друг с другом насмерть.

Цзян Ичжу был «пропащим», но, учитывая, как Цзян Шибо дорожил кровными узами, ему все равно приходилось признавать его своим наследником.

Лу Чаое же принадлежал к самой чистокровной ветви семьи Лу. Ему не нужно было ни с кем бороться — он был рожден с самой благородной кровью, но именно поэтому он обязан был превосходить сверстников во всем.

А значит, сейчас он наверняка был занят учебой под огромным давлением.

— Ты в общежитии, учишься? — это было первое, что сказал Ичжу, дозвонившись до Лу Чаое.

— Если больше ничего нет, я вешаю трубку, — ответил Лу Чаое своим обычным тоном.

Лу Чаое жил в блоке на двоих, и любой шум был бы отчетливо слышен соседу, поэтому Ичжу начал стучать в дверь, только убедившись, что тот на месте.

— Не вешай, открой дверь.

Когда дверь отворилась, первое, что бросилось в глаза Лу Чаое, было не лицо Ичжу, а пакет с фруктовыми консервами.

— Привез тебе консервов из дома, — Ичжу просунул голову в комнату и поторопил его: — Бери давай, что, мои фрукты не нужны?

— У тебя же ни гроша за душой, откуда ты их украл? — спросил Лу Чаое, принимая пакет.

В его вопросе действительно сквозило сомнение. Ичжу чуть было не испугался, решив, что тот догадался о его визите в поместье Цзян, но виду не подал и с невозмутимым видом пояснил:

— Попросил небо, чтобы оно мне их послало. Оно начало сыпать, а я ловил банки, подставив руки. Некоторые разбились, пришлось собирать остатки с земли...

Чтобы остановить этот поток бреда, Лу Чаое тут же забрал у него пакет.

Игнорируя взгляд Лу Чаое, который явно означал «проваливай», Ичжу без тени смущения выдвинул требование:

— Пошли.

Ичжу не умел строить отношения, раньше он предпочитал сюжетные игры, потому что его способность считывать чужие эмоции была крайне низкой. Поэтому с Лу Чаое, этим наглухо запертым железным ящиком, ему оставалось действовать только так, как он сам считал нужным.

— Что? — Лу Чаое решил, что ослышался, и добавил: — Хорошо, иди уже.

Ичжу вытащил из кармана ключи от машины, любовно украшенные прежним владельцем наклейками Sanrio, и, то ли требуя, то ли приглашая, помахал ими в воздухе.

Лу Чаое подумал, что тот хочет вместе пообедать.

Но Ичжу загадочно произнес:

— Я угнал машину. Поедем, прокачу.

Поняв, что перед ним ключи от «Феррари», Лу Чаое многозначительно посмотрел на него и достал телефон, начиная набирать номер.

Увидев на экране цифры экстренной службы, Ичжу тут же выхватил телефон и воскликнул:

— Ты зачем в полицию звонишь?

Лу Чаое холодно усмехнулся:

— Я совершу гражданский подвиг.

<http://bllate.org/book/20222/2013250>